

А. В. Нижник

**«В сторону Пруста»: франкоязычные подтексты американской лекции
В. Набокова «Гюстав Флобер»**

В материалах лекций В. Набокова по зарубежной литературе замечания о стиле Г. Флобера и М. Пруста весьма близки – прежде всего концептуально. В статье обосновывается предположение, что рецепция Набиковым наследия Флобера во многом обусловлена той интерпретацией, которую оно получило в прустовских металитературных штудиях. В статье «О стиле Флобера» Пруст предлагает анализировать прозу на всех уровнях языка – от фонетики до синтактико-семантического членения текста. За этим принципом кроется поиск стиля, с помощью которого можно наиболее точно отразить бергсоновскую концепцию «времени как чистой длительности». Набоков был знаком с металитературными высказываниями Пруста и ориентировался на них в лекции о Флобере. Набоковские представления о стилевой специфике французской прозы явно опираются на общие компоненты наследия Флобера и Пруста. Мотивы и приемы, о которых применительно к Флоберу говорит в лекции Набоков, характерны и для его собственного творчества. Среди них концепция внутреннего времени романа, ритмико-синтаксическая «отделка» текста и импрессионистический характер описаний. Таким образом, анализируя прозу французских предшественников, Набоков косвенно характеризует собственные стилевые пристрастия.

Ключевые слова: Набоков, Пруст, компаративистика, русско-французские литературные связи, модернистская литературная критика.

А. В. Nizhnik

"Proust's way": French Subtexts in Nabokov's Lecture on Gustave Flaubert

In "Lectures on Literature" by Vladimir Nabokov the approach to stylistic description of Gustave Flaubert's and Marcel Proust's creative works looks nearly identical. The basic hypothesis of the article is that Nabokov perceived Flaubert through Proust's interpretation. It is common knowledge that Proust discussed Flaubert's works in several metaliterary pieces. In the most detailed of them ("À propos du style de Flaubert") he proposes to analyze prose at all language levels – starting with phonetics and concluding with syntactic segmentation of the text. This way of reading Flaubert's texts is motivated by search for the style that would perfectly convey Bergson's conception of time as "pure duration". Nabokov studied Proust's works and used them as a source for a lecture on Flaubert. One can see that Nabokov's perception of French prose style was based on the common elements in Flaubert's and Proust's legacy – e. g. the concept of "inner time" of a novel, rhythmical structure of sentences, impressionistic character of descriptive passages. Identification of these elements in works of French predecessors serves for Nabokov as an indirect way to represent his own stylistic priorities.

Key words: Nabokov, Proust, comparative literature studies, Russian-French literary connections, modernist literary criticism.

Проблема писательской самоидентификации занимала Владимира Набокова с самого начала его творчества в эмиграции. Кажущаяся аксиомой идея о том, что стилевая самобытность автора обусловлена тем, в какой мере он сумел овладеть выразительными ресурсами *родного* языка, подвергалась критической рефлексии по мере того, как все более и более актуальной становилась перспектива перехода на другой – английский или французский – язык.

По-видимому, сама мысль о возможности такого перехода (при отсутствии предрешенности в пользу языка Шекспира или языка Флобера) зародилась у Набокова еще в его «кембриджские» годы. «Русская душа обладает способностью вдохнуть собственную жизнь в те различные формы Искусства, которые она встречает у других народов...» [3] – писал он в одном из своих ранних англоязычных эссе. Попытки реализовать эту идею в собственном творчестве становятся особенно интенсивными во второй половине 30-х гг., когда, живя в Париже, Набоков пишет не только по-русски, но и на французском и английском. Переезд из Франции в США в 1940 г. вынуждает писателя совершить труднейшую языковую «мутацию» и стать англоязычным автором.

На мучительную сложность перехода на английский Набоков указывает в предисловии к русскому изданию «Других берегов» – книги, в которой он особенно тщательно конструирует собственный писательский облик: «Совершенно владея с младенчества и английским и французским, я перешел бы для нужд сочинительства с русского на иностранный язык без труда, будь я, скажем, Джозеф Конрад, который, до того как начал писать по-английски, никакого следа в родной (польской) литературе не оставил, а на избранном языке (английском) искусно пользовался готовыми формулами. Когда, в 1940 г., я решил перейти на английский язык, беда моя заключалась в том, что перед тем, в течение пятнадцати с лишком лет, я писал по-русски и за эти годы наложил собственный отпечаток на свое орудие, на своего посредника» [6]. То, что Набоков называет «языком», шире и сложнее языка в лингвистическом понимании: речь идет и о литературной традиции, и о системе поэтических ассоциаций, и о ритмико-музыкальной фактуре высказывания, и о многих других компонентах индивидуального стиля.

Дистанцируясь от Конрада, автор «Других берегов», тем не менее, ясно указывает на главную проблему писателя-билингва – проблему его лингвостилистической

зависимости от «готовых формул» новоизбранного языка. Очевидно, что преодолеть этот «языковой плен» можно, только имея ясное представление о ключевых «готовых формулах» наиболее «авторитетного» стиля той или иной национальной традиции.

Потенциальное «французское» писательское будущее заставило Набокова в 30-е гг. тщательно отразить стилистическую практику двух наиболее влиятельных, с его точки зрения, французских писателей. Как известно, любовь к Флоберу передалась Набокову от его отца, считавшего «Мадам Бовари» непревзойденным шедевром европейской прозы. Пруст же стал в 20–30-е гг. главным стилистическим ориентиром для всего молодого поколения русской эмиграции «первой волны». Флоберовскими подтекстами (прежде всего переключками с «Мадам Бовари») просвечивает роман «Король, дама, валет». Пруст «благожелательно» пародируется Набоковым в романе «Камера обскура». В интервью 1932 г. Набоков, категорически отрицая какое бы то ни было влияние на него немецкой литературы, прямо называет обоих французов среди своих литературных «учителей»: «Можно говорить скорее о влиянии французском: я люблю Флобера и Пруста» [4].

Курс лекций по зарубежной литературе в Корнельском университете дал Набокову повод уточнить его концепцию стиля как ядра писательской индивидуальности. Из семи прозаиков, творчество которых стало предметом обстоятельного разбора в рамках курса, французов предсказуемо двое: Флобер и Пруст по-прежнему рядом, как и в интервью 1932 г. Поначалу, впрочем, предполагался разговор и о третьем знаменитом прозаике – Ги де Мопассане: традиционные представления о «мейнстриме» французского стиля строились на схеме «передачи эстафеты» от Флобера к его «литературному ученику» Мопассану, а уже затем – к Прусту, который, согласно популярной тогда точке зрения, довершал вековую эволюцию французской прозы своим объемным романским циклом. Показательно, тем не менее, что Флобером (как Гоголем в курсе русской литературы) Набоков, намеренно игнорируя хронологию, завершал свой курс, читая лекцию о нем в конце семестра. Тем самым подчеркивалась уникальность и незабываемая авторитетность стилей Флобера и Гоголя для двух национальных литератур.

Лекция о Флобере сконцентрирована почти исключительно на проблемах индивидуального стиля. Говоря о Флобере, Набоков демонстративно отказывается рассматривать роман «Мадам Бовари» в контексте литературного направления или обсуждать социально значимые грани его содержания. Набокова интересуют писательские приемы, лаборатория стилистических нюансов.

Доверяя прежде всего своему собственному впечатлению и непосредственному читательскому опыту, Набоков, однако, нередко опирается на французскую литературно-критическую традицию, в рамках которой он явно больше всего полагается на мнение Пруста. Как известно, металитературные суждения автора «В поисках утраченного времени» нередко основывались на анализе наследия Флобера. Показательно в этом отношении эссе Пруста о Флобере "À propos du "style" de

Flaubert" («О стиле Флобера»), опубликованное в 1920 г. в журнале "La Nouvelle Revue française".

Эссе явилось ответом на статью французского критика Альбера Тибоде "Sur le style de Flaubert" ("Nouvelle Revue française", 1919). В этой статье автор пользуется методами интуитивистской критики, впервые применяя их к творчеству Флобера. В том, что Набоков знал работы Пруста, сомневаться не приходится. Вряд ли остались вне поля зрения Набокова литературоведа и статьи Тибоде: авторитетный литератор в течение двадцати лет вел критический отдел упомянутого журнала, в котором, кстати, в 30-е гг. публиковался и сам Набоков. Заслуживает упоминания и то, что монография Тибоде о Флобере была опубликована в 1922 г., когда Набоков учился в Кембридже и интенсивно занимался французской литературой.

В лекции о Флобере Набоков воспроизводит оценки его творчества, актуальные в 20–30 гг. и прозвучавшие, в частности, в статьях Пруста и Тибоде. Это те линии интерпретации, которые связывали Флобера с модернистским пониманием искусства: во-первых, композиция «Госпожи Бовари» рассматривается с позиций последовательного развития исходной тематической линии, и в этом отношении лекция переключается с монографией Тибоде; во-вторых, важнейшим носителем эстетического эффекта, оказываемого на читателя, провозглашается стиль повествования (этот вектор интерпретации можно считать «линией Пруста», целиком посвятившего свою работу о Флобере его языку).

Переключки Набокова с тезисами французских интерпретаторов проявляются прежде всего в акцентировании структурных особенностей текста: «Рассматривать роман мы будем так, как желал бы этого Флобер: с точки зрения структур (он называл их *mouvements*), тематических линий, стиля...» [5, с. 184]. Речь при этом идет не столько о внешней композиции текста, сколько о переплетении мотивов и использовании принципа контрапункта. Тибоде понимал флоберовские "mouvements" как внутренний ритм романа и прояснял это явление цитатами из письма Флобера, в котором тот метафорически иллюстрировал свое понимание стиля: «У породистой лошади и породистого стиля жили наполнены кровью, и видно, как она пульсирует под кожей и под словами, от ушей до копыт» [7]. «Дух стиля – это движение» [10], – заключает Тибоде.

Набоков развивает это наблюдение, выявляя у Флобера «максимально плавные и изящные переходы от одного предмета к другому внутри одной главы» и называя этот прием «структурным переходом» [5, с. 208]. Далее следует проясняющее метафорическое сравнение «Госпожи Бовари» с «Холодным домом» Диккенса: композиция первого романа напоминает «текущую систему волн», композиция второго «разворачивается en escalier» (то есть «лестницей») [5, с. 208]. Возможно, Набоков при этом опирался на ставшее едва ли не «крылатым» суждение Пруста о флоберовском стиле: Пруст уподобил страницы Флобера движущемуся тротуару [9, с. 83].

Разговор о «тематических линиях» в романе Флобера в лекции Набокова окрашен его собственным пони-

манием сути литературного творчества. Проза Флобера становится для Набокова своего рода зеркалом: он выделяет в ней те черты, которые критики отмечали у него самого. В первую очередь это тезис о том, что посредством тематических повторов Флобер очерчивает временную структуру своего романа. Уместно в связи с этим привести суждение Г. Барабтарло: «Периодическое повторение элементов какой-нибудь темы у Набокова не только указывает, негромко, но настойчиво, в сторону невидимого создателя романа за физическими пределами книги, но служит иногда средством определения условий времени и пространства в этом романе и измерения их численных функций» [1].

Темы, пунктиром появляющиеся в «Госпоже Бовари», Набоков трактует как пространственно-временной каркас романа. Таков, в частности, тематический узор «слоев, или слоеного пирога», соотносящийся с мотивами грез и обманов, а также с «чересполосицей тоски, страсти, отчаяния», то есть с перепадами эмоций героини. Пунктуально прослеживая проявления этого мотива, Набоков показывает, что именно он выступает в функции «внутренних часов» романа, упорядочивая движение сюжета и придавая ему свойства внутренней ритмичности. Такое внимание к темпоральной композиции произведения объясняется, конечно же, собственными стилевыми пристрастиями Набокова, прежде всего, излюбленной им тактикой «перевода» времени на язык пространственных образных «узоров», выработанной с оглядкой на бергсоновскую концепцию времени как «чистой длительности».

Однако идеи Бергсона были восприняты Набоковым, как нам кажется, через «посреднический» опыт Пруста, отразившийся и в романистике, и в металитературных суждениях последнего о Флобере. Как заметил исследователь Джеймс Остин, в XX в. Флобер «читается» через Пруста – настолько убедительными оказались прустовские статьи и пастиши о Флобере [8]. Ж. Женетт объяснял обращение Пруста к Флоберу как неизбежное следствие поисков «идеального стиля» – стиля, «восстанавливающего одной только своей высочайшей степенью слияния материальную целостность вещей» [2]. На стилевую родственность двух писателей обратил внимание и Тибоде: в текстах Флобера он увидел «витки, круги и спирали утраченного времени в духе Марселя Пруста»¹ [10, s. 336].

В набоковской лекции о Флобере «прустовская нота» звучит с разной степенью отчетливости. Иногда Набоков прямо ссылается на прустовские заметки о глагольных аспектах флюберовского стиля: «Пруст где-то говорит, что мастерство Флобера в обращении с временем, с протекающим временем, выразилось в употреблении имперфекта, imparfait. С помощью имперфекта, говорит Пруст, Флоберу удается выразить непрерывность времени, его единство» [5, с. 234]. Этот тезис взят из упомянутой выше статьи Пруста "À propos du «style» de Flaubert", хотя от точного ее цитирования Набоков уклоняется (возможно, у лектора просто не было времени на библиографические разыскания).

Без прямой ссылки на Пруста, но все же в его же выражениях, Набоков упоминает и о специфическом соседстве пунктуационного знака с союзом «и»: «Пара “точка с запятой – и” следует за перечислением действий, состояний или предметов; точка с запятой создает паузу, а “и” завершает абзац, вводя ударный образ, живописную деталь – описательную, поэтическую, меланхолическую или смешную» [5, с. 232]. Пруст сходным образом описал стилистические функции употребления Флюбером союза: по его мнению, «и» не соединяет, а разделяет слова и понятия, создает необходимую ритмическую паузу².

Как и Пруст, Набоков приводит длинную вереницу цитат, иллюстрирующих синтаксис Флобера, но основная их функция – показать, в чем специфика флюберовской внешней изобразительности. Для Пруста описания Флобера – та грань поэтики, в которой он видит зерна собственных стилевых исканий. В описательных пассажах Флобера он подмечает прием, которым часто пользуется сам, – преобразование действия во впечатление³. Это становится возможным, считает Пруст, благодаря использованию олицетворений и употреблению имперфекта, причем главная прелесть этого сочетания в том, что оно демонстрирует жизнь вещей во времени – именно размышления о времени побуждают Пруста пристально рассматривать глагольную систему флюберовской прозы. Но именно эти свойства – «переход впечатлений в чувства», а также наслаивающиеся друг на друга метафоры – отметит Набоков уже у Пруста (в лекции о его прозе). Одним словом, Флобер явно видится ему «предшественником» Пруста.

Интересно, что, по мнению Пруста, «Флобер счастлив был находить в писателях прошлого предчувствие Флобера» [9, s. 84]. Находя у предшественника истоки собственных стилевых решений, Пруст тем самым подключается к этой традиции и «конструирует» свою литературную генеалогию, ведя ее от Флобера. Как можно судить по лекции Набокова, он во многом принимает такой подход: его «Гюстав Флобер» увиден сквозь «прустовское окно». Таково позднее «американское» эхо набоковских рефлексий второй половины 30-х гг.: если бы Набокову пришлось стать франкоязычным писателем, он, по всей вероятности, увидел бы не только «предчувствие Пруста» в прозе Флобера, но и «предчувствие Набокова» в прозе Пруста.

Библиографический список

1. Барабтарло, Г. Сочинение Набокова [Текст] / Г. Барабтарло. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – С. 11.
2. Женетт, Ж. Фигуры [Текст] : в 2-х тт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 1. – С. 82.
3. Набоков В. В. Смех и мечты (пер. с англ. Н. И. Толстой) [Текст] // Звезда. – 1996. – № 11. – С. 42.
4. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе [Текст] / сост. Н. Г. Мельникова. – М.: Изд-во Независимая Газета, 2002. – С. 52.
5. Набоков, В. Лекции по зарубежной литературе [Текст] / пер. с англ. под редакцией В. А. Харитоновой. – М.: Изд-во Независимая Газета, 1998.
6. Набоков, В. Русский период : собрание сочинений [Текст] : в 5 томах. – СПб.: Симпозиум, 2008. – Т. 5. – С. 143.

7. Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде. Письма. Статьи [Текст] : в 2-х т. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 1. – С. 296.

8. Austin J. F. Proust, Pastiche, and the Postmodern or Why Style Matters / Bucknell University Press, 2013. P. 78.

9. Flaubert, sauvait-il ecrire, Une querelle grammaticale (1919–1921) / Textes reunis et presentes Gilles Philippe. – Grenoble: ELLUG, 2004.

10. Thibaudet A. Gustave Flaubert. Paris, Plon-Nourrit et cie, 1922.

Bibliograficheskiy spisok

1. Barabtarlo, G. Sochinenie Nabokova [Tekst] / G. Barabtarlo. – SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2011. – S. 11.

2. Zhenett, Zh. Figury [Tekst] : v 2-h tt. – M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1998. – Т. 1. – С. 82.

3. Nabokov V. V. Smeh i mechty (per. s angl. N. I. Tolstoj) [Tekst] // Zvezda. – 1996. – № 11. – S. 42.

4. Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'ju, recenzii, jesse [Tekst] / sost. N. G. Mel'nikova. – M.: Izd-vo Nezavisimaja Gazeta, 2002. – S. 52

5. Nabokov, V. Lekcii po zarubezhnoj literature [Tekst] / per. s angl. pod redakciej V. A. Haritonova. – M.: Izd-vo Nezavisimaja Gazeta, 1998.

6. Nabokov, V. Russkij period : sobranie sochinenij [Tekst] : v 5 tomah. – SPb.: Simpozium, 2008. – Т. 5. – С. 143.

7. Flober G. O literature, iskusstve, pisatel'skom trude. Pis'ma. Stat'i [Tekst] : v 2h t. – M.: Hudozh. lit., 1984. – Т. 1. – С. 296.

8. Austin J. F. Proust, Pastiche, and the Postmodern or Why Style Matters / Bucknell University Press, 2013. P. 78.

9. Flaubert, sauvaitil ecrire, Une querelle grammaticale (1919–1921) / Textes reunis et presentes Gilles Philippe. – Grenoble: ELLUG, 2004.

10. Thibaudet A. Gustave Flaubert. Paris, Plon-Nourrit et cie, 1922.

---

¹ Здесь и далее перевод с французского выполнен автором статьи.

² «Флобер использует союз «и» вовсе не так, как предписывает то грамматика. Он служит для обозначения ритмической паузы и разделения картины» [9, s. 87].

³ «Действие становится впечатлением» [9, s. 85].